

КАТАРСИС

★
НЕ КАЖДЫЙ
МЕРТВЕЦ
ОБРЕЧЁН НА
ПОКОЙ

ГРОМОВА МИЛАНА

Милана Громова

Катарсис

«Автор»

2026

Громова М. Д.

Катарсис / М. Д. Громова — «Автор», 2026

Даррен работал киллером. Но в одну ночь таинственный силуэт убил его. Но вместо рая или ада он открыл глаза в Разломе — мире, где небо никогда не бывает светлым. Где нет демонов и ангелов. Вместо них — гроллы и ауресы. Где один вирус превращает живых в бешеных тварей, а другие охотятся на заражённых. Здесь он встречает Ксенолита. Циничного, усталого гролла с привычкой усмехаться, когда вокруг всё горит. Вместе они ищут лекарство от вируса. Вместе ищут убийцу Даррена.

© Громова М. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1 ГЛАВА	5
2 ГЛАВА	13
***	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Катарсис

1 ГЛАВА

Сознание вспыхивало и гасло, словно неисправная лампа. Всё вокруг было не просто мутным, а зыбким, как вода, взбаламученная бурей. Реальность рассыпалась на осколки, а я чувствовал, как мир буквально проваливается под ногами, увлекая меня за собой в какую-то бездонную, маслянистую пропасть. Ни света, ни тверди – только вязкое падение.

Странное, жгучее тепло, которое быстро сменилось ледяным холодом, начало разливаться в горле. Оно было незнакомым, чуждым, но при этом болезненно реальным. Не то последняя отчаянная искра угасающей жизни, не то, наоборот, предвестник чего-то неизменно худшего, что ждало меня по ту сторону. Время... оно потеряло всякий смысл. Я цеплялся за мысль, что сейчас четверг, но этот четверг казался бесконечным, тягучим, липким, словно патока, в которой я тонул. Каждый миг застыл в сюрреалистической дымке, и я чувствовал, как сознание медленно уходит, погружаясь в эту белую, бесшумную муть.

Силуэт, стоявший надо мной секунду назад, теперь начал расплываться, отдаляться. Его черты, и без того неясные, окончательно растворились в этой зыбкой пелене, оставляя меня наедине с холодеющей пустотой. Я так и остался – парализованный, бессильный, понимая, что умираю именно от его рук, от рук этого призрака, который даже не потрудился остаться до конца. Последнее, что пробилось сквозь пелену оглушающей тишины, было еле слышное, почти шепот:

— Прости.

Было ли это искренне? Или лишь очередная издевка в финальный аккорд моей никчемной жизни? Уже неважно.

Мир словно замедлился. Неясная тень передо мной совершила резкое, почти церемониальное движение: нож послушно вошел в грудь, по самую рукоять. Безмолвный силуэт покачнулся, теряя равновесие, и безвольно повалился навзничь. Глухой стук тела о холодную землю эхом отозвался у меня в висках, оставляя после себя лишь звонкую, пугающую пустоту

В этот момент, когда нити жизни рвались, в голове пронеслись мысли, старые, как мир, но сейчас до одури острые. Я всегда знал: жизнь дается лишь однажды. Каждая секунда – это не просто шаг, а необратимый выбор, ведущий либо к искуплению, либо к окончательному падению в бездну, которую я, кажется, сам и вырыл. Именно поэтому всё, что я творил при жизни, все мои действия, были, без сомнения, непростительны. Никакие раскаяния не смогли бы отмыть ту грязь, что я оставил.

Грех? Возможно. Причинять людям боль без всякой на то необходимости – это ведь основа всех табу, так говорят. Но тогда... тогда в чём вообще был бы смысл моей жизни, если не в этом? Как еще я мог доказать свое существование в этом чертовски равнодушном мире, который не хотел замечать меня иначе? Причинять боль – это был самый быстрый, самый эффективный способ оставить след, высечь свое имя в чужой памяти, даже если оно высечено страхом или ненавистью. Жертва, по крайней мере, запомнит тебя. Ее крик, её ужас, её ненависть – всё это было эхом твоего присутствия. И это, думал я, это уже что-то. Это не пустота.

Это было последнее, что зафиксировал мой разум, прежде чем связь с миром окончательно оборвалась. Мысли путались, превращаясь в белый шум. Сознание предательски дрогнуло, мир качнулся и провалился в бездну. В глазах потемнело так резко, будто кто-то просто выдернул штекер, оставляя меня в абсолютной, звенящей пустоте.

Открыв глаза, я почувствовал, как голова раскалывается от нестерпимой боли, будто сотни молотов стучат внутри. Но никаких врат, никакого распределения, куда я попаду — ни

рая, ни ада — не было. Я очнулся на том же месте, где и умер, под той же мутной пеленой. Но был ли я жив? Вся моя кожа была ледяной, будто внутри меня больше не циркулировала кровь, а тело стало сосудом для чужого, могильного холода.

Еле как поднявшись, я почувствовал слабость, но всё же быстро взглянул на свой живот. В полном оцепенении, застыв от ужаса, я провёл по нему рукой. Открытая рана, та самая, что привела меня сюда, просто исчезла. Ни единого шрама, ни следа. Как будто всё, что произошло ранее, было лишь дурным сном, фантазией умирающего мозга. Но нет, к сожалению, я отчётливо помнил эту острую, пронзительную боль и быструю, внезапную потерю сознания.

Быстрым шагом, почти бросившись, я рванул в город. Улицы были пустынные, но воздух был наполнен отчетливыми звуками: глухим гулом и резкими, пугающими криками. "Однозначно ад", — промелькнула мысль. Это был мой город, тот самый, где я когда-то жил, но теперь он выглядел как искаженное отражение.

Я чётко держал маршрут домой, почти инстинктивно, движимый какой-то потусторонней силой, и старался как можно быстрее туда прибыть, надеясь найти хоть какое-то подобие знакомого, безопасного места. Зайдя в подъезд своего дома, меня дернуло от волны необъяснимого, леденящего страха.

Существо передо мной не было ни человеком, ни животным. Думаю, точнее можно выразиться — некто, порождение самых тёмных кошмаров. Его кожа была серого, гнилостного оттенка, рост низкий, но внушительный, а глаза... они были полностью черными, без зрачков, как два провала в бездну, в которые было страшно смотреть. Но больше всего я обратил внимание на кровавые разводы, которыми были измазаны все стены, будто кто-то протащил здесь жертву, оставляя кровавый след. Второй смерти я не хотел, так что умчался так быстро, как не бегал еще ни разу в своей прежней жизни. Этот демон явно кого-то пожирал. Каннибал? В моей голове роилась куча вопросов, но не было ни единого поискового источника, никого, у кого можно было бы найти ответы. Я не знал, что происходит, куда идти и что делать дальше. От нарастающей апатии, от безысходности меня начало охватывать злость. Не должно было всё так заканчиваться, не так.

Моя голова затрещала от очень громкого, пронзительного визга, словно кто-то рвал струны моей души. Я готов был снова умереть, лишь бы это прекратилось, лишь бы это ушло. После этого звукового всплеска на улице, словно по команде, стали появляться и другие такие же существа, выползая из теней, из трещин в реальности. Все они были такими разными — одни громоздкие и устрашающие, другие — почти неуловимые, но всё же чем-то пугающе похожи друг на друга. Может, всё же у меня поехала крыша, может, это галлюцинации, но я точно понимал, что всё это мне не мерещится, это реальность.

Где я, черт возьми, нахожусь? Мысли кружились вокруг моей запутанной бошки. Мой взгляд, потерянный и отчаявшийся, упал на витринное стекло заброшенного магазина. То, что я увидел там, потрясло меня до глубины души, заставив застыть на месте, лишившись дара речи.

Кожа — серая, мертвенная, как пепел. Глаза — черные, без зрачков, два провала. Из висков торчат острые рога — твёрдые, холодные. На шее — выжженные узоры: три полосы, перечеркнутые одной.

Я... я такой же, как и они.

***

Моя жизнь – это лабиринт, проложенный убийствами. В свои десять лет я стал свидетелем того, как отец направил пистолет на мать. Она была, чего греха таить, слишком доверчива, но я любил её. В тот самый момент, когда прозвучал выстрел, что-то внутри меня надломилось. И той же ночью охваченный слепой яростью, я убил его. Последствия, конечно, были... хлопотными, мягко говоря. Но в глубине души, несмотря на весь хаос, я испытывал странное, мрачное удовлетворение – месть свершилась. С тех пор, сколько бы попыток меня «исправить», ни предпринимали психологи, я понял: причинять боль не так уж и скучно. Все, кто вставал у меня на пути, исчезали навсегда, будто их никогда и не было. Я не хотел быть похожим на своего отца — тирана. Скорее все, что я делал было справедливостью. Это не было проявлением моей злобы – это было... весело. Я нашёл своё призвание, своё хобби. И это же хобби, в конечном итоге, меня и погубило.

Этот новый мир – будто моя прошлая жизнь, но вывернутая наизнанку. На каждом шагу – крики, стоны и смерть. Поначалу это шокировало, но вскоре стало... забавлять. А затем начались наблюдения, которые ещё больше подогрели мой интерес. Этот оглушительный звуковой всплеск, который раздаётся дважды в сутки, подозрительно напоминает будильник. Подъём и отбой? Или, быть может, это сигнал к охоте? Солнце здесь не восходит, но небо приобретает зловещий красный оттенок. И каждую ночь этот рев... этот крик о спасении наполняет меня прежней, дикой радостью. К счастью, я смог пробраться в свою старую квартиру, так что пока что ночую здесь. Я проводил ночи, не зная сна, превратившись в невольного свидетеля этого ужасающего спектакля. Чем дольше я наблюдал, тем больше странных и интересных вещей открывалось моему взору. Два дня пролетели в этом лихорадочном, изматывающем бдении.

Навязчивая мысль не давала покоя. В моих планах было найти хоть кого-то из местных жителей – этих бледных, отчужденных обитателей – и вытянуть из них как можно больше информации об этом странном, покрытом пеленой тайн месте. Моё любопытство было не просто научным; оно было продиктовано инстинктом выживания.

На следующее утро, я отправился на поиски. Едва выйдя за порог, я оказался не на безлюдной улице, а в самом сердце бурлящего потока. Город встретил меня не тишиной, а хаотичным движением – меня тут же поглотило людское море, сотканное из теней и едва различимых лиц. Они толкались, напирали друг на друга, двигаясь словно единый организм без определенной цели, но с ощутимой тяжестью. Каждый толчок, каждое случайное прикосновение вызывало глухое раздражение. Мои нервы были натянуты до предела после бессонной ночи, и каждая клеточка моего тела кричала от негодования. В конце концов, я не сдержался и с резкой, грубой силой оттолкнул одного из них, который слишком близко подошел.

Последствия не заставили себя ждать. Видимо, это была огромная ошибка – или, скорее, проявление моей неспособности приспособиться к местным негласным правилам. В мгновение ока он, словно разъяренный зверь, набросился на меня, и на небольшой пяталке посреди толпы разразилась яростная, бессмысленная драка. Желание прикончить его было настолько острым, почти инстинктивным, что я избивал его с остервенением, подпитываемый неконтролируемой агрессией, которую не чувствовал в себе давно. Боль от его ответных ударов лишь подстегнула, заставляя вкладывать всю силу в каждый следующий выпад.

Существа проходящие мимо не обращали внимания на эту схватку, будто у них происходит это каждый день. Но я все же чувствовал этот прикованный взгляд со стороны.

В самый разгар этой слепой ярости, когда я был полностью поглощен схваткой, я внезапно почувствовал, как меня кто-то цепкой рукой хватает за плечо и пытается вытащить из этой кутерьмы. В сознании мелькнула мысль о новом враге, и я уже приготовился нанести удар

своему неожиданному спасителю. Мой кулак замер в воздухе, когда вместо угрозы я услышал низкий и совершенно спокойный голос.

Я поднял голову. Передо мной стоял невысокий, коренастый гролл. Кожа — серая, с сизым отливом, будто его припорошило гарью. Волосы — жёсткие, нечёсанные, цвета мокрого асфальта. В левом виске — чёткий, будто вырезанный крест. Глаза чёрные, но живые — в них прыгали бесовские искры.

Он усмехался. Словно мир вокруг не горел, а тихо тлел в его честь.

— А ты живуч, мне бы такой пригодился. Пошли со мной, — произнес он, и это было больше похоже на приказ, чем на просьбу. Он двинулся вперёд, не дожидаясь ответа. Я обернулся и увидел, как мой противник, словно очнувшись от наваждения, уже отряхивается и, недоуменно оглядываясь, уходит прочь.

Я не был идиотом, чтобы легкомысленно последовать за каким-то болваном, поэтому просто развернулся и направился в противоположную сторону.

— Одному тебе здесь не выжить. — раздалось на всю улицу от того чудака.

—Продержусь, не волнуйся. — Чувство злости смешалось с нарастающей тревогой, но и какая-то частица меня почувствовала странное облегчение. Каждый мускул был напряжен, как у пойманного зверя, но я, полный нервного напряжения и настороженного любопытства все же воздержался с ним пересекаться.

Я уходил не оборачиваясь. Спина горела — там, где секунду назад его пальцы сжимали мою куртку. Чужое прикосновение оставило липкий, мерзкий след, будто меня пометили.

— Я буду на старом вокзале. Если передумаешь. — крикнул он мне.

Я молчал. Считал шаги. Двадцать. Тридцать. Пятьдесят. Он не шёл за мной. Не пытался догнать или убедить. Просто... исчез из слуха, растворился в шуме этого ржавого города.

Это было странно. И это бесило больше, чем если бы он набросился сзади.

На следующий день я не собирался туда идти.

Всё утро я провел, петляя по развалинам, проверяя, не следит ли за мной этот тип с навязчивой идеей «пригодишься». Никого не было. Или он был слишком хорош, или я терял хватку.

К вечеру, когда багровое небо начало темнеть, я оказался у вокзала. Не потому, что хотел. Просто так вышло. Город после Разлома изменился — привычные маршруты вели не туда, и ноги сами принесли меня к этим ржавым путям.

Он сидел на крыше вагона, свесив ноги.

— Я знал, что ты придёшь, — сказал он, не глядя в мою сторону.

— Я проходил мимо, — отрезал я, остановившись в тени.

— Конечно. — Он усмехнулся и кинул вниз что-то маленькое, блестящее. Гайка звякнула о рельсы у моих ног. — Садись, не стой как истукан. Или боишься?

— Чего? — Я невольно усмехнулся в ответ. — Тебя?

— Себя, — ответил он, и в его голосе не было насмешки.

Это стало первой трещиной.

Я не полез на вагон. Не сел рядом. Я остался стоять в тени, заложив руки в карманы, готовый в любой момент уйти.

— Как тебя зовут? — спросил я, когда он замолчал.

— А тебе зачем? — Он наклонил голову. — Будешь вызывать на дуэль?

— Нужно же знать, кого пристрелить, если кинет, — пожал я плечами.

Он засмеялся — отрывисто, хрипло, будто не ожидал услышать что-то подобное от того, кого считал просто обезумевшим драчуном.

— Ксенолит. А тебя?

— Даррен, — буркнул я, чувствуя, как имя вырывают из меня силой.

— Дерьмовое имя, — заметил он.

— Иди нахрен.

— Обязательно.

— Рассказывай все, что знаешь про это место. — Вся покорность, что была после драки, тут же испарилась, уступив место требовательности.

Ксенолит чуть приподнял бровь, словно оценивая мою резкую перемену.

— Да ты у нас с характером. — Снова широкая улыбка расплзлась по всему лицу.

— Еще одно слово не по делу – и следующим, кому я врежу, будешь ты. И тогда я уже не сдержусь.

Он поднял руки в примирительном жесте, но усмешка все равно тронула уголки губ.

— Ладно, ладно, успокойся. — Он вздохнул, и взгляд его стал серьезнее, будто он наконец-то решил отбросить маску беззаботности. — В мире Разлома, где мы оказались, мы – гроллы. Это такие, как я и ты, – существа, покрытые тенью. Но помимо нас здесь живут ауресы – те, кто, по поверьям, искупил душу. Они... они выглядят по-другому, светятся, что ли. Раньше гроллы и ауресы как-то ладили, ну, по крайней мере, жили рядом. Все было относительно мирно, даже если гроллы всегда ненавидели ауресов за их "чистоту". Но где-то полгода назад гроллы начали заражаться какой-то странной болезнью. Они сходят с ума, становятся агрессивными. Зараженные начали без причины нападать на ауресов, буквально рвать их на куски. Поэтому теперь нас, гроллов, изолировали от них подальше, чтобы не началась настоящая бойня.

Слова Ксенолита, словно ключи, открывали одну за другой двери в темных закоулках моей памяти. Все встало на свои места с жуткой ясностью. Именно тогда, в том проклятом подъезде, когда я только очнулся, я видел одного такого зараженного гролла, который буквально кромсал ауреса. Ужас от той сцены вновь ожил, от него скрутило живот.

— Как передается заражение?

Ксенолит небрежно махнул рукой, словно это пустяк, хотя в глазах все же мелькнуло что-то настороженное.

— Обычно – через вдыхание заразы, что носится в воздухе, когда находишься с ними почти впритык. Но зараженные выходят только ночью, когда темно, так что сильно не беспокойся.

— Ага, — выдохнул я, больше для себя, чем для него. Внезапно меня охватило единственное желание – уйти. Уйти подальше от этого вокзала, от Ксенолита, от всей этой информации. Я резко развернулся и решительно пошел прочь, к своему дому, или что там от него осталось.

Между нами повисла тишина. Не враждебная. Не дружеская. Что-то среднее — как у двух зверей, которые временно поделили территорию.

— Что ты там говорил про вирус? — спросил я, глядя на небо, которое с каждой минутой становилось всё гуще.

— А ты заражен, что ли? — Ксенолит свесился с вагона, вглядываясь в мое лицо. В его глазах мелькнуло что-то похожее на любопытство хирурга перед трупом.

— Просто спросил.

— Уже темнеет. — Он слез с вагона и отправился к вокзалу — Бывай, Даррен.

Ответа на свой вопрос я не услышал, поэтому проигнорировав его просто развернулся и ушёл.

Каждый шаг от вокзала отзывался во мне новой, липкой тревогой. Мозг лихорадочно переваривал информацию, и постепенно все становилось до жути ясным. Но это понимание вело к одному – самому мрачному и отчаянному – выводу: если вирус распространяется по воздуху... то это понимание привело к самому мрачному заключению: вирус мог уже находиться во мне.

Ночь пролетела слишком быстро и я пришёл снова. Не признался бы себе в этом, даже под пыткой. Просто так вышло. Опять.

Ксенолит уже ждал. На этот раз не на крыше, а внутри — в грязном зале ожидания, где он соорудил нечто вроде логова из продавленной мебели и пустых бутылок.

— А, долгожданный гость, — протянул он, не поднимая головы. Он ковырялся в каком-то приборе, собранном из мусора и отчаяния. — Проходи, садись.

— Не собираюсь я садиться, — сказал я, прислонившись к стене. — Я просто зашел спросить кое-что.

— Валяй.

— Почему ты в одиночку? Если гроллы держатся вместе, как ты сказал.

Ксенолит на секунду замер. Его пальцы, перепачканные в чём-то тёмном, сжались вокруг отвёртки.

— Почти не выхожу отсюда, вот и не находил себе общение. — ответил он и вдруг резко поднял голову. — А ты почему один?

— Мне так удобнее.

— Врешь, — спокойно сказал он и снова уткнулся в стол. — Но я тоже вру. Так что квиты

На столе, заваленном железом — лежала карта. Не новая, вся в пятнах, с обгоревшими краями. Город. Наш город обведенный красным несколькими кварталами

— Это что?

— Территория ауресов, — Ксенолит ткнул пальцем в одно из пятен. — Вот здесь они появляются чаще всего. А вот здесь, — палец переместился к другому кружку, — заражённые выходят из нор.

— И что с того?

— А то, что ты держишься за свою злобу, как за спасательный круг. — Он поднял голову. — Я хочу посмотреть, как долго это продлится. Хочу понять, что тебя останавливает.

— Любопытство сожрёт тебя.— бросил я.

— Может быть. — Он усмехнулся, и в его усмешке впервые не было ехидства. Одна усталость. — Но мне больше нечем заняться, кроме как смотреть, как другие горят.

Он отвернулся к карте. Я смотрел на его спину — сутулую, угловатую, с выпирающими позвонками, которые почти проступали сквозь серую кожу.

— Ты так и будешь пялиться? — спросил он, не оборачиваясь.

— А ты так и будешь от меня что-то скрывать?

— Каждый что-то скрывает, Даррен. Это называется «личное пространство», — повисла неловкая тишина. — Тебе пора

Я уже не стал пререкаться. Спорить с Ксенолитом — всё равно что биться головой о стену: шум есть, а толку ноль. Нужно было обработать всю информацию, полученную за эти два дня. Голова и так шла кругом от всего этого бреда про гроллов, ауресов, вирусы и заражённых.

Вернувшись в пыльную квартиру, я первым делом прошёл на кухню. Свет мигнул, как предатель, и крошки на столе отбрасывали маленькие тени. Взял кружку, налил в неё мутной воды из-под крана — она шипела противно, будто трубы жаловались на мое возвращение.

Сделал глоток; вкус металла и плесени разнесся по рту, и в нём вдруг было всё: и усталость, и мелкие побоины будней, и лениво гудящая злость на мир.

На столе, заваленном хламом и коробками с чужими воспоминаниями, лежал блокнот. Старый, потрепанный, с вырванными страницами в начале — мамины рецепты, которые я когда-то в приступе сентиментальной тупости вырвал и выбросил. Теперь здесь были чистыми только последние листы, словно кто-то оставил для меня только последнюю линию, которую ещё можно заполнить.

Я уселся. Спинка стула жалобно скрипнула, как старый сустав, но выдержала. Достал ручку — черную, с погрызленным колпачком, такая, что её возраст можно было читать по мелким сколам. Уставился на пустой лист; белизна казалась не пространством для слов, а вратами, через которые нужно переступить. Минута. Две. Ручка застыла в пальцах; мысли разбежались, как тараканы при свете лампы — беспорядочно, в панике.

Сквозь окно доносился городской гул — редкие машины, где-то лай, единичные голоса, отчаянно цепляющиеся за ночь. Я вспомнил, как мама писала в этом самом блокноте, аккуратно, почти по линейке, как будто строки могли удержать события. Вспомнил, как выбрасывал ее записи, как смеялся над собственными жестами доброты, и в животе зашевелился тошнотворный узел упреков.

Наконец я сжал ручку крепче. Первая буква получилась рваной, неуклюжей, но вот уже слово, затем ещё одно. С каждым словом тело облегчалось — не потому что я нашёл ответ, а потому что перестал держать молчание. Рука перестала дрожать; бумага принимала меня обратно, как старый друг, готовый выслушать. Я глубоко вдохнул и шепнул себе что-то грубое и честное.

— Чтоб тебя, — буркнул я, и это оказалась не ругань, а приглашение. Я начал писать.

Быстро, грязно, почти не разбирая собственного почерка. Слова вылетали на бумагу, складываясь в бессвязные предложения. Имена: Ксенолит, гроллы, ауресы. Термины: Разлом, заражение, вирус. Заметки на полях: «передается через воздух», «активны ночью», «лекарства нет».

Остановился. Перечитал последнюю строчку.

«Лекарства нет»

Ручка заскрежетала по бумаге — я перечеркнул это чёртово слово.

— Нет так нет, — прошептал я. — Найдём другое.

Я продолжил записывать, но теперь уже медленнее, обдуманнее. Разбил страницу на две колонки: слева — то, что я знаю точно, справа — то, что нужно проверить.

Вопросы роились в голове, и каждый следующий был страшнее предыдущего:

Как отличить зараженного от здорового гролла?

Ксенолит сказал, что ауресы приходят ночью. Куда именно? С какой целью?

Вирус передаётся через воздух — значит, я мог уже вдохнуть его в тот момент, когда зашёл в подъезд. Или раньше. Или...

Я отложил ручку. Пот тёк по спине.

В квартире было тихо. Слишком тихо. Даже доски под ногами не скрипели, будто замерли в ожидании.

Я посмотрел на свою руку. На бледную, сероватую кожу. На пальцы — длинные, с чёрными ногтями, которых раньше не было.

— Ты не заражён, — сказал я вслух. Голос прозвучал глухо, как из бочки. — У тебя просто... мурашки. Аллергия на этот гребанный Разлом.

Враньё пахло хуже, чем вода из-под крана.

Я закрыл блокнот, убрал в ящик стола. Запер на ключ, которого, по сути, не существовало — замочная скважина была пустой, замок сломан ещё лет пять назад. Но ритуал есть ритуал.

Я прошёл к кровати, рухнул лицом в подушку..

«Завтра разберусь с этим дерьмом». — ведь голова уже разрывалась.

Но завтра не хотело наступать. Или, наоборот, торопилось — я не понял. В Разломе время текло как расплавленный свинец: то медленно, обжигая каждую секунду, то рывком проглатывая целые часы.

Я закрыл глаза.

2 ГЛАВА

Оказалось, что ни рая, ни ада никогда и не существовало. Во всяком случае, не в том виде, в каком их описывали. Но рай меня никогда и не прельщал. Эти нудные, слащавые лекции о "чистых душах", "вечном блаженстве" и бесконечных хорах ангелов? Слишком скучно для меня, привыкшего к совсем другим ощущениям – к острым углам реальности, к борьбе, к живому, обжигающему краю. Я и так потерял слишком много часов своей прежней жизни, выслушивая лживые обещания психологов о "прекрасной жизни, если только ты будешь стараться". Если бы они были правы, я бы точно не оказался сейчас здесь, в этой мрачной изнанке бытия, где каждый камень дышит отчаянием.

С утра по телу разливалась неприятная дрожь, но не от холода. Это было скорее внутреннее напряжение, нервный озноб, словно ток пробежал по венам. Странно, но прошло уже трое суток, а я ни разу не ощутил ни малейшего намека на голод. Ещё один жуткий бонус этого места, который позволял не думать о такой примитивной, но жизненно важной потребности, как пропитание. Что-то в этом было неправильное, пугающее. Тело функционировало по новым, неведомым мне законам.

Как бы мне ни претила мысль о встрече с тем придурком, избежать ее было невозможно. Всё, чего я от него хотел — вытянуть нужную информацию, получить ответы, и немедленно разойтись. Никакой дружбы, ни с ним, ни с кем-либо из обитателей этого места, я заводить не собирался. Здесь каждый гролл — это, по сути, грешник, существо непредсказуемое и потенциально опасное, способное пойти на что угодно ради собственных, зачастую эгоистичных, целей. Ещё будучи человеком, я всегда предпочитал действовать в одиночку, полагаясь только на себя. Все свои самые тяжелые моменты я пережил в изоляции, и выходить из этой тени я не собирался. Эта новая реальность лишь подтверждала мои давние убеждения.

За эти дни я так и не свыкся со своим новым обликом. Растрепанные пряди угольно-черных волос, жёсткие на ощупь, из которых вызывающе торчат острые, поблескивающие рога, словно лезвия, выступающие прямо из висков. Кожа приобрела мертвенно-серый оттенок, будто выточенный из камня или покрытый слоем пепла, а шею теперь украшали странные, будто выжженные узоры: три горизонтальные линии, пересеченные одной вертикальной. Словно клеймо, древний знак принадлежности к этому проклятому месту. В целом, мне этот образ даже нравился, он отражал мою внутреннюю суть – что-то дикое, необузданное, отвергнутое. Но каждый раз, бросая взгляд в обломок зеркала или в тёмную, отражающую поверхность, я невольно вздрагивал, видя не себя, а жуткого незнакомца, который, тем не менее, был мной. Это было не столько от страха, сколько от внезапного, пронзительного осознания – я изменился, и пути назад нет.

Внезапно внутренности скрутило жуткой судорогой, такой резкой, что я согнулся пополам. Всего через считанные секунды горло обожгло огнём, и меня вырвало. Густая, почти черная кровь хлынула изо рта, пачкая и без того грязную землю. На языке остался едкий, металлический привкус, словно я проглотил горсть старых, ржавых монет. Это было... крайне тревожно. Не то чтобы я был знаком с нормальной физиологией гроллов, но такое определенно не входило в список ожидаемых «бонусов» этого нового существования.

Мне было, по большому счёту, плевать на своё самочувствие. Привычка игнорировать боль, накапливается годами человеческой жизни, теперь стала второй натурой. Однако этот симптом был новым, и, признаюсь, немного выбивал из колеи. Но я стиснул зубы. Никакой

мерзкий спазм не заставит меня отказаться от цели. Превозмогая слабость, я всё же направился к назначенному месту, чувствуя, как каждый шаг отдаётся тупой пульсацией в висках.

Небо над Разломом полыхало тревожным красным, словно кто-то разлил густую кровь по горизонту. Каждый шаг давался с трудом – ноги казались налитыми свинцом, подкашивались на пути. Голова кружилась, а перед глазами плыли темные пятна. Было крайне опасно выходить из дома в таком состоянии, да и просто появляться на улице, когда сгущаются сумерки, но разворачиваться было уже поздно. Я почти чувствовал нетерпение Ксенолита. Наконец, я добрался до места назначения. Он сидел наверху искореженного, пустого вагона, свесив ноги и покачивая ими в воздухе. Поначалу я думал, что он меня не заметил, но стоило мне сделать пару шагов к составу, как он резко повернул голову, и я услышал:

— И тебе привет, – раздалось сверху, – Я крайне удив...

— Ответ на вопросы и я свалю, – перебил я его, не давая договорить. Мой голос звучал глухо, но непреклонно, отражая мое скверное самочувствие и непоколебимую решимость.

Ксенолит хмыкнул, склонив голову набок, и его усмешка никуда не делась.

— Удиви.

Я, кряхтя и цепляясь за ржавые выступы, забрался на вагон, приземлившись рядом с ним. Желудок снова протестующе сжался, но я постарался не обращать внимания. Прежде чем начать разговор, я решил оглядеться, позволяя взгляду скользить по панораме. Этот город, или то, что от него осталось, я вроде бы знал наизусть, бродя по его улочкам и развалинам. Но с этой высоты он казался таким... другим. Чужим и величественным одновременно, бесконечным лабиринтом теней и обломков под багровым небом. Повернув голову, я скользнул взглядом по его лицу и вдруг заметил то, чего раньше не видел: небольшой, но четкий крест, будто вырезанный, отмеченный на его левом виске. Он казался высеченным прямо в коже.

Я не сдержался, мой вопрос сорвался с губ, будто вырвался наружу под давлением. — Что это за крест у тебя на виске? — Каждое новое знание здесь, в этой мертвой пустоши, было на вес золота, и я собирался выжать из него всё, что только мог, пока у меня хватало сил держаться на ногах.

Ксенолит небрежно дёрнул плечом, затем медленно провёл пальцем по виску. — Какой? А-а, этот? Выстрел, прямо в висок. — Он поднял руку, приставил палец к своему виску, имитируя пистолетный выстрел, и сделал едва слышный щелчок языком, словно напоминая о собственном, внезапном и беспощадном конце. — О, а тебя, как я вижу, зарезали.

По телу пробежал мерзкий холодок, не от озноба, а от осознания. Он видел мою смерть так же ясно, как я – его крест.

— Чего? Это ты с чего взял? — Мой голос прозвучал ещё глуше, ниже, почти рычащим, словно зверь, загнанный в угол, который вот-вот сорвется.

Ксенолит просто ткнул пальцем в мою шею, прямо на странные, будто выжженные узоры, о которых я только что размышлял. Словно они были для него открытой книгой, надписи которой он читал без труда.

— У тебя есть пометки на шее, по всей видимости похожи на ножевые ранения. — В его голосе не было ни капли сочувствия, лишь отстраненная, почти будничная констатация факта, от которой мне стало не по себе. Словно смерть была для него такой же обыденностью, как утренний завтрак.

— И у каждого гролла есть такие же пометки? — Я поднес руку к горлу, проводя пальцами по рельефным узорам, словно впервые ощущая их.

— В большей части да. — Ксенолит снова чуть заметно кивнул. — Это отпечаток того, как ты перешёл сюда. Последний миг твоей человеческой жизни, застывший, выжженный на коже. Твоя визитная карточка в этом мире, так сказать.

Ксенолит был явно ниже меня ростом, и теперь, когда он изучал мою шею, ему пришлось задирать голову, что создавало ощущение, будто он не просто смотрел, а пялился —

нагло и бесцеремонно, почти как какой-то извращенец. Его волосы, оттенка мокрого асфальта, были чуть темнее мертвенно-серой кожи, почти сливаясь с ней, и казались такими же грубыми, как и вся его манера. Но больше всего меня выводил из себя не его взгляд, и даже не эти жуткие откровения о моей смерти, а его навязчиво-позитивный, почти беззаботный настрой. Он казался диссонансом в этом мире боли и отчаяния, и это раздражало до зубовного скрежета. Как можно быть таким... легким, когда вокруг сплошной мрак?

— Откуда у тебя столько энергии... и радости? — Я не выдержал, мой голос прозвучал куда резче, чем я предполагал. — Ты ведь буквально в аду. Здесь, кажется, даже тени страдают, а ты сидишь, словно на пикнике.

Ксенолит медленно повернул голову, и на его лице расцвела жуткая, искаженная улыбка, от которой по спине пробежал холодок. В ней не было веселья, скорее — обреченность, замаскированная под безумие.

— А кто сказал, что я рад? — Его голос стал тише, почти заговорщическим, но пропитанным ядом. — Больше путей нет. Ты обречён жить здесь и страдать, и эта мысль никогда не покинет тебя. Так почему бы не насладиться всем этим, пока ты можешь? Пока не превратился в нечто худшее.

— Ну ты и чудовищная дичь, — выдохнул я, больше не находя слов. Мой мозг отказывался принять эту философию, это извращённое восприятие реальности. Я никак не ожидал встретить здесь кого-то, кто будет наслаждаться жизнью в таком месте, где каждый вдох давался с трудом. Это было абсолютно за гранью моего понимания.

Я поспешно перевел разговор на тему, которая тревожила меня сильнее всего, отгоняя неприятный осадок от его слов. Тот вирус, та чёрная кровь, что только что хлынула из меня...

— Тот вирус, никто не пытался найти лекарство? Никто даже не пытался понять, как это остановить?

Ксенолит насмешливо фыркнул, а затем выдал едкую реплику, бросая её, словно камень.

— Если ты у нас доктор, то прошу вас в вашу лабораторию, — произнес он с такой дозой сарказма, что мне захотелось столкнуть его с вагона. — Я не ученный и не думаю, что он оказался бы среди гроллов. В этом месте нет ни лекарств, ни надежды. Так что попытки бессмысленны.

— Но ведь... — Я попытался возразить, в голове мелькали обрывки мыслей о выживании, о борьбе.

— Я пытался, Даррен, — Ксенолит оборвал меня на полуслове, и на этот раз в его голосе прозвучало неприкрытое раздражение, а глаза чуть сузились. — И знаешь что? Бесполезно.

Красное небо над нами потихоньку начинало темнеть, сгущаясь до багрово-черных оттенков. Воздух становился тяжелее, а каждый шорох казался угрозой. Это означало, что время истекает, и нужно было поторопиться, если я не хотел встретить инфицированных лицом к лицу.

— Ты считаешь, что после разлома, после смерти ничего нет? — Мой взгляд скользнул по его лицу, пытаясь найти хоть намёк на сомнение. Это был вопрос, который мучил меня с самого пробуждения.

Ксенолит улыбнулся своей жуткой улыбкой.

— Если хочешь, мы можем проверить это на тебе. Пошли кое-что покажу.

Я понял: ответа, который меня бы удовлетворил, я не дождусь. С горьким, рваным выдохом я спрыгнул с вагона на холодную, каменистую землю. Удар отозвался неприятной дрожью по всему телу, и я вновь почувствовал, как заныли внутренности, скрученные недавним спазмом. Каждый нерв кричал об опасности, но я не позволял себе замедлиться.

Мы зашли внутрь вокзала, в его берлогу.

Я неохотно поднялся по скрипучим ступеням, и передо мной предстала картина, достойная самых худших городских трущоб, умноженных на абсурд загробного мира. Неопрятная, потрепанная мебель: продавленная кровать, покрытая слоем вековой пыли, покосившийся стол с неясными разводами и несколько стульев. Воздух здесь был ещё тяжелее, чем внизу, словно он впитывал в себя все горести и отходы бесчётных смертей.

— Ты бомжуешь тут?

— Сам ты бомжуешь! А я здесь наслаждаюсь смертью. Смотри.

Я смотрел. Перед нами лежал труп гrolла. Кожа — серая, как у всех нас. Но под ней, у висков, проступали чёрные вены. Толстые, узловатые, будто корни деревьев, проросшие сквозь плоть. Глаза — открытые, но пустые. Не чёрные, как у нас. Белые. Мутные, как у дохлой рыбы.

— Он был заражён, — сказал я.

— Был. — Ксенолит кивнул. — А теперь — мусор. Я нашёл его утром. Сдох в трёх кварталах отсюда.

— Ты его знал?

— Нет. — Он помолчал. — Но мог бы.

Внутри что-то сжалось.

— Я собирал образцы, — сказал он наконец. — Крови, слюны, тканей. Пытался понять, как вирус работает. Но у меня не было нормального оборудования. Только то, что удалось найти в развалинах.

— И?

— И ничего. — Он пожал плечами. — Я не учёный. Я просто придурок, который умеет паять и читать старые медицинские журналы. Результаты были... странными. Вирус мутировал быстрее, чем я успевал его фиксировать.

— Покажи.

— Что?

— То, что ты накопал. Записи. Пробирки. Всё.

Ксенолит посмотрел на меня долгим взглядом. Потом тяжело вздохнул, встал, подошёл к своим шкафчикам. Достал ключ с шеи, открыл один из них.

Внутри были блокноты. Исписанные мелким, дрожащим почерком.

— Читай, — сказал он, протягивая один.

Я взял блокнот. Пролистал. Схемы, графики, какие-то расчёты. На полях — заметки, написанные в разное время: «температура 40.3», «реакция на свет — негативная», «образец №7 — полное отторжение».

— Что значит «отторжение»? — спросил я.

Ксенолит отвернулся.

— Лечение убивало их быстрее, чем вирус.

Я закрыл блокнот.

— у тебя неплохие расследования. Почему не продолжил?

Ксенолит не ответил. Сжал челюсти так, что желваки заходили под серой кожей.

— Я пойду, — сказал я.

— Иди.

Я вышел на улицу. Багровое небо давило на плечи.

Я продолжал идти, не останавливаясь, пока очертания Ксенолита не растворились в сумерках. В спину будто впились его буравящие взгляды, а в ушах еще звучал его безумный смех, который, казалось, был единственным постоянным звуком в этом мире, кроме шороха собственных шагов и нарастающего биения сердца.

Сумерки уже сгущались, когда я шел домой. Навстречу мне двигались гроллы– сумрачные фигуры, от которых веяло чем-то чужим и древним. Всматриваясь в каждого, я старался разглядеть следы их смерти. У многих были странные отметины на шее либо на лбу, словно печать неведомого проклятия. По этим знакам я приблизительно понимал, как они сюда попали.

Улицы постепенно опустели, и люди стали расходиться по своим домам. Как только я зашел в свою квартиру и закрыл дверь, тишину пронзил громкий крик. Бездействие было невыносимо, и спать я не собирался. В шкафу я нашел старый ежедневник. Открыв его, я увидел страницы, исписанные рецептами разных блюд. Почерк был знаком – скорее всего, это были мамины записи. Во рту тут же вспомнился вкус каждой из этих ед, и волна ностальгии смешалась с горечью. В порыве раздражения я вырвал эти страницы и кинул в мусорное ведро.

На чистой странице я поставил решительную точку. Мне нужно было немедленно записать новую информацию. Я не знал ни сегодняшней даты, ни точного времени; казалось, здесь время потеряло всякий смысл. Все эти тревожные мысли и свои теории я тщательно записывал, заполняя лист за листом. Вопросов не становилось меньше; напротив, каждый ответ порождал новые загадки, и я продолжал записывать их без перерыва. Но чтобы получить на них ответы, я понимал, что всё-таки нужно будет посетить вокзал. Пока что мне удачно удавалось использовать Ксенолита. Я знал, что мог бы справиться и один, но его сбивчивые рассказы, полные жутких деталей, лишними точно не будут. Истощение брало своё, и я решил улечься на кровать.

Я был так измотан, что, едва закрыв глаза, сразу же провалился в сон. Голова коснулась холодной, пыльной поверхности. Меня просто выбило из этой мерзкой реальности.

Сколько прошло — час, ночь или век — я не понял: тени размывались, а свет медленно течет вниз, как расплавленное стекло. Разлом склеивал минуты в дни; тело отдыхало, но болезнь не давала. Проснувшись, я понял, что что-то внутри не просто спит — оно продвигалось вперед. Резкий спазм в желудке снова вырвал меня из сна. Та же тошнота, что мучила меня уже несколько дней, теперь обжигала горло. С каждым днём мне становилось хуже. Я чувствовал, как внутри что-то ломается. Тело болело, в висках стучало, а температура росла. Плечи опустились, словно на них лежал невидимый груз. Ноги спотыкались на каждом шагу.

Я понимал, что конец близок. И это была не просто смерть, а нечто хуже. Конец моим мучениям – да, возможно.. но куда я попаду после разлома никто не знал. Буду одним из тех тварей и буду пожирать ауресов. Вот она, моя новая, ужасная реальность.

Сил не осталось совсем. Каждый вдох, каждое движение давалось с трудом. Значит, не было и смысла куда-то идти. Раньше слабость заставляла меня бороться, но сейчас... я чувствовал, что упаду, сделав шаг. Но и лежать, ждать, пока инфекция поглотит меня, было нельзя. Это было бы как сдаться. Я всегда боролся до конца. Но тело и разум решили за меня. Веки стали тяжёлыми, сопротивление ушло. Я не выбрал сон, он выбрал меня

«Если после вашего ухода никто не заметил, скорее всего, вы ушли не зря» – говаривали они, и эта фраза теперь отзывалась во мне едкой горечью. Я стал часто задумываться: как там, в мире живых, обстоят дела? Объявили ли мою смерть или все благополучно забыли, продолжая заниматься своими обыденными делами? Но один факт оставался неизменным. Убийца где-то здесь. Где-то рядом со мной в разломе. И мне хотелось бы найти этого ублюдка.

Но в любом случае, сейчас, если бы я снова оказался человеком, я бы наметил себе новую цель и она тоже оказалась бы здесь как и я.

Я не жалел о содеянном, нет. Ни один из моих трупов не вызывал ни тени раскаяния. Не горечь сожалений, а скорее холодный, отстраненный анализ собственного пути – вот что властвовало над моими мыслями. Я знал, что мог прожить эту жизнь совершенно иначе, мог выбрать другие дороги, более светлые, быть может. В плане учёбы все двери были мне открыты, знания давались удивительно легко, но гораздо легче было просто забить на все старания, на свой потенциал, позволив ему рассыпаться, как золотой песок, сквозь пальцы. Приманка лёгкой жизни, где не нужно напрягаться, оказалась сильнее зова таланта. В возрасте восемнадцати лет я осознал, что нужно было зарабатывать на проживание, и тогда я нашёл себе... занятие по душе. Меня взяли работать наемным киллером. Именно эта работа – бездушная, эгоистичная, требующая хладнокровия и точности, а главное – полного отсутствия эмпатии. Смерть в чужих глазах перестала быть трагедией, превратившись в шахматную фигуру на доске. И мне нравилось это ощущение власти, этой игры, нравилось и то, что зарабатывал я прилично.

Так что, кто мог убить опытного убийцу, того, кто сам был хищником, а не жертвой – вот что оставалось для меня главной загадкой.

Один день я решил отлежаться, пытаюсь отогнать дурное предчувствие, которое липкой паутиной оплетало моё сознание, но легче не стало. Наоборот. Я чувствовал, как внутри я медленно, но верно умираю – не физически, а теряя крупницы себя. С каждым днём моя агрессия становилась всё более неконтролируемой, как гейзер, что грозит прорваться сквозь тонкую корку земли. Ярость, что могла взорваться от малейшего неосторожного слова, от косога взгляда, бороться с ней становилось всё труднее. И вот в моей голове внезапно возник леденящий, пронзающий вопрос: «Если прямо сейчас остальные гроллы поймут, что я заражен, они сразу прикончат меня?»

Я знал о своих сородичах, гроллах, буквально ничего. Ни их повадки, ни их истинное состояние, ни их законы – всё это оставалось для меня абсолютной, непроницаемой тайной. Каждый гролл казался потенциальным судьёй, их взгляды могли быть приговором.

Мне хотелось осмотреть город. Хоть я и прожил в нём ранее всю свою человеческую жизнь, теперь, в этом новом, искаженном обличье, всё казалось иным. Мне чудилось, что сам город мог измениться, отражая нашу гнилую реальность. Может, появились какие-то новые детали, или же, наоборот, исчезли старые ориентиры? Сидеть на одном и том же, чертовски промозгом месте было уже бессмысленно – бездействие лишь ускоряло внутреннее разложение. И вот я здесь, на этом гнилом вокзале, пропитанном запахом сырости, отчаяния и чего-то еще, более мерзкого, что витало в воздухе Разлома.

– Ты заставил меня скучать! – раздался сверху гнусавый, до боли знакомый голос Ксенолита, который, похоже, в своем обычном стиле околачивался на втором этаже, среди обломков былых конструкций.

– Надо же, – я скривился, поднимая взгляд. – Наш сэр «шило в жопе» соизволил заскучать.

– Поднимайся. – В его голосе прозвучало нечто вроде игривости. – Чем занимался вчера?
– Ксенолит, явно, был любопытен. Почему я не пришёл вчера, он, видимо, считал чем-то из ряда вон выходящим.

– От тебя отдышал, – я снова огрызнулся, чувствуя, как агрессия накатывает волной, почти перекрывая разум.

Он лишь усмехнулся, этакая самодовольная, ехидная ухмылка, и демонстративно улегся на кровать, словно хозяин положения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.